



РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 811.161.1

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА И.А. ЧЕРНУХИНА**

**THE OWN NAME AS PRECEDENT PHENOMENON OF POETHICAL CREATIVITY
BY I.A. CHERNUKHIN**

М.С. Малышева, И.И. Чумак-Жунь
M.S. Malysheva, I.I. Chumak-Zhun

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, Russia, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: malysheva_m@bsu.edu.ru, chumak@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию прецедентных имен в поэзии И.А. Чернухина, играющих важную роль в раскрытии авторского замысла и воссоздании индивидуально-авторской художественной картины мира.

Abstract

The article deals with study of precedent names in the poetry of I.A. Chernukhin, playing an important role in revealing the author's intention and recreating the individual author's art picture of the world.

Ключевые слова: имя собственное, оним, прецедентность, исторический персонаж, антропоним.
Keywords: proper name, onim, precedent, historical character, anthroponym.

Введение

Поэтическое ономастическое пространство отличается от пространства онимов в прозаическом тексте, несмотря на то, что всякое изучение имени собственного в художественном тексте принято называть поэтической ономастикой (см. работы Зинина С. И.). Связано это со спецификой поэтического текста в целом, со «сгущением смыслов», характерным для поэзии. Именно это сгущение смыслов, обусловленное необходимостью малыми языковыми средствами (в связи с малым объемом поэтического текста) передать важную для художника слова информацию, приводит к сжатию образа до одной узнаваемой черты – к созданию поэтонима.

Исследования использования имен собственных в поэтическом идиолекте дают возможность анализировать изменения в системе языка, с позиций исторических, социальных и культурных событий, характерных для определенной исторической эпохи, изображаемой автором поэтического текста. Кроме того, поэтические онимы позволяют увидеть «такие социальные, исторические, культурные факторы, которые не оставили следа в обычной лексике» [10, с. 3]. Все это свидетельствует об органической взаимосвязи изучения прецедентного имени и феномена языковой личности поэта, поскольку поле



прецедентного имени в поэтическом тексте участвует в создании многомерных содержательных универсалий «пространство – время – человек», и позволяет сделать вывод об идентичности процесса создания поэтического прецедентного имени процессу кодирования культурно-исторической информации.

В современной интерпретации понятия «прецедентное имя» существует несколько точек зрения. С позиций А. В. Суперанской, прецедентное имя «складывается на основе образа, который абстрагируется от человека, реального, живущего среди нас, жившего ранее, или придуманного автором какого-либо произведения» [8, с. 367]. По мнению Д. Б. Гудкова, «статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу: то есть инвариантное представление обозначаемого, или «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного общества» [3, с. 71]. Иная точка зрения принадлежит Е.А. Нахимовой, которая считает, что «прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [7]. В базе целостного художественного произведения прецедентные имена выступают своеобразными сигналами соответствующих прецедентных текстов, литературных образов, исторических ситуаций, лежащих в основе сюжета, и представляют своеобразный феноменологический прецедент. Прецедентное имя – «имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом» [6, с. 55].

Богатейшим источником для создания автором поэтонимов является национальная система онимов. В именовании вымышленных автором художественных образов активно используются исторические собственные имена. Так же, как и в прозе, в поэтическом дискурсе имя собственное можно классифицировать по соотношению имен собственных в поэтической ономастике с национальным именником языка народа (оппозиция: реальные – вымышленные). В данном случае поэтонимы восходят к национальной ономастической номенклатуре только в плане формы, выражения, в то время как содержание каждого поэтонима определяется не соотносительностью его к реальной личности, а к созданному художественному образу.

Такая особенность онима связана с наличием у него лексического фона – комплекса исторических, национально-культурных, социальных, бытовых и других ассоциаций, выражаемых поэтом посредством языковой системы. На фоне преимущественно обобщенно-обезличенного характера поэтического текста именно оним выступает как идиолектный маркер базовой мировоззренческой модели – Время, Пространство, Человек. Наглядным подтверждением тому служит ономастикон белгородского поэта И.А. Чернухина. В его творчестве активно представлены имена собственные – антропонимы, топонимы, гидронимы. Мы остановимся на наиболее репрезентативной группе онимов, которой в творчестве Чернухина являются именованья людей – антропонимы.

Важными этапами анализа ономастического пространства является оценка роли онима в образной галерее поэта, его смысловой трансформации в авторском поэтическом тексте, прецедентности ситуации его использования. Такие онимы можно отнести к группе прецедентных, то есть имен, связанных с широко известными историческими событиями или текстами, описывающими ситуацию, широко известную носителям языка [1, с. 246]. Это имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры, имена, денотаты которых выступают как эталоны времени, пространства, меры [4, с. 142]. Обозначаемый этими именами «культурный предмет» (или лицо) «является общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [4, с. 146]. В содержательном плане оним имеет определенное коллективное представление, присутствующее в сознании носителей



данного языка и актуализируемое при употреблении прецедентного имени в речи или художественном тексте. Однако, кроме общего, в семантике такого имени присутствует и индивидуальный компонент, отражающий субъективные представления автора текста, его ассоциации и коннотации, связанные с теми или иными прецедентными именами в сознании конкретного носителя языка.

Все имена в творчестве И.А. Чернухина можно классифицировать по двум основаниям – 1) по степени прецедентности и 2) по характеру функционирования.

Имена собственные, которые использует в поэзии И.А. Чернухин, разнятся по степени прецедентности. Это довольно широкий пласт имен собственных, среди которых:

1) имена исторических персонажей, хорошо знакомых русскому человеку – князь *Игорь* и *Ярославна* («Половецкое поле», 1971; «Баллада о побеге», 1960), император *Петр I* («Баллада о Петре-плотнике», 1975), *Кончак* («Половецкое поле», 1971; «Баллада о побеге», 1960), *Наполеон* («Третье поле», 1999-2003);

2) имена героев, связанные с историей Белгородчины – *А. Бельгин* («Баллада о героическом батальоне», 1983), *генерал Анапасенко* («Белгород. 5 августа 1943 года», 1980);

3) имена предков поэта – далекий предок *Егорий*, отец *Андрей Чернухин* (поэмы «Бел-город», 1968-72, «Мозаика века», 1999-2002, «Баллада об отце», 1977). Условно говоря, в поэзии Чернухина представлены имена собственные, сопряженные и несопряженные с дискурсом историческим.

Если говорить о специфике функционирования антропонимов в поэтических текстах регионального поэта, необходимо определить степень денотативной обобщенности, то есть типизации героя. Основоположник теории прецедентности Ю. Н. Караулов, рассматривая способы и цели введения прецедентных текстов в дискурс, выделяет несколько типов прецедентных текстов: «номинативный (знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую приметку); референтный (включение имен выдающихся людей в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи); цитирование» [6, с. 216]. Функции цитирования могут быть разнообразными. Роль высказывания, носящего характер формулы, состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [6, с. 216].

1. Номинативные имена собственные

Максимальная типизация наблюдается при использовании имен поэтов, которые можно отнести к группе номинативных прецедентных имен. Их круг, несомненно, отражает литературные вкусы автора. Стихотворение «Вызов» (1993), в котором И.А. Чернухин дает оценку творчества поэтов и писателей 1990-х годов, связано с именем А.С. Пушкина, *основоположника* современной русской поэзии. Его имя белгородский поэт призывает в качестве судьи современному творчеству:

*Куда вы, баранин ушки,
И вы, золотые уста?..
На ваши творения Пушкин
Не выдал бы вам и листа.
Нахально переть... на арапа.
(Тут Шариков нужен язык!)
К тому же маститая лапа
И к ней государственный лик [9, с. 109].*



Имя *Пушкин*, которое в русском коммуникативном сознании является «сверхпрецедентным», реализует в данном примере смысл – ‘мерило поэтического мастерства’. Здесь на помощь поэту приходит тонкий юмор: И.А. Чернухин пытается расправиться с ненавистными ему столичными *бараними ушками, золотыми устами, с мастистыми лапами Шариковым языком* (показательно обращение поэта еще к одному прецедентному имени – Шарикова – героя романа М.А. Булгакова «Собачье сердце», который становится маркером уровня литературы 1990-х годов и мастерства современных И.А. Чернухину молодых авторов).

Имена зарубежных поэтов и писателей в произведениях И.А. Чернухина немногочисленны и тоже достигают предельной степени типизации. Они представлены всего двумя онимами – *Гомер* («Гомер», 1994) и *Овидий* («Овидий», 1983). При употреблении данных онимов поэт использует лишь фоновые знания о данных исторических личностях. В творчестве И.А. Чернухина они представлены абстрактно, обобщенно и скорее репрезентируют концепт «Поэт», нежели конкретную историческую личность, например, имя *Овидий* несет смысл – ‘страдающая душа поэта’:

*Всё с болью выстрадать, не плача:
Любовь и ненависть... и страх,
Удачу рядом с неудачей,
И злой навет... и кличку «враг».
Всё выстрадать и мир увидеть
Глазами светлыми от грёз.
Зачем ты спишься мне, *Овидий*, –
Мне тяжело во сне от слёз [9, с. 108].*

2. Референтные имена собственные

Обращаясь к именам литературных героев, используемых в творчестве И.А. Чернухина, стоит отметить, что определяющую роль здесь играет литературное образование поэта, его знание русской истории и литературы. Способ представления мира в поэтическом дискурсе И.А. Чернухина в немалой степени обусловлен дискурсами историческим и художественно-историческим, которые претерпевают значительные трансформации в индивидуально-авторской картине мира. Условно говоря, в творчестве регионального поэта представлены имена собственные, сопряженные и не сопряженные с дискурсом историческим. Имена исторических деятелей представлены как имена референтные, которые играют значительную роль в формировании индивидуально-авторской картины мира.

Несомненно, имена литературных героев нередко ассоциируются с литературными произведениями, находятся в неразрывной связи с ними. Ярким примером является обращение к «Слову о полку Игореве» и двум его наиболее значимым онимам – *князь Игорь* и *Ярославна*. Например, в «Балладе о побеге» (1960):

*Вот и Донец.
Взлетают с криком качки.
Светает. Недалёко до утра.
И конь храпит... и далека степнячка,
И рядом у Днепра [9, с. 399].*

В устоявшихся образах древнерусской литературы воплощаются особые смыслы, связанные с личными переживаниями поэта.

Примечательным является тот факт, что имена собственные, используемые в разных источниках, могут нести абсолютно разную, порой полностью



противоположенную семантическую нагрузку. Мы обращаемся к прецедентному имени князь *Игорь* в творчестве регионального поэта И.А. Чернухина, так как данный оним встречается во всех жанровых формах, создаваемых автором, – стихотворениях, балладах, поэмах – и проходит сквозным мотивом сквозь всю его поэзию.

В «Большой советской энциклопедии» историческая личность князя Игоря Святославовича характеризуется следующим образом: *«новгород-северский князь с 1178, черниговский с 1199, сын Святослава Ольговича, князя черниговского. Участник феодальной войны 2-ой половины XII в. за киевский стол. В 1170-х гг. одержал ряд побед над половцами. И. С. в союзе с другими князьями вступил в борьбу с половцами, в 1185 организовал поход против них, оказавшийся неудачным, и попал в плен. Поход послужил сюжетной основой для «Слова о полку Игореве» [2].*

Рассмотрим функционирование прецедентного имени князь *Игорь* в художественных текстах регионального поэта И.А. Чернухина в сопоставлении с историческими данными о личности новгородсеверского князя Игоря.

Неоднократное использование прецедентного имени князь *Игорь* в поэтических текстах И.А. Чернухина разных жанров («Половецкое поле» (1975), «Баллада о побеге» (1960), поэма «Бел-город» (1968–1972)) позволяет говорить о выполняемой прецедентным онимом функции *идиостилевой концептуальной доминанты*. Использование данной ономастической единицы в разножанровых текстах поэта «увеличивает возможность получения тех или иных семантических признаков связности для текста в целом» (Лукин 1999: 31). Кроме семантической целостности, повтор указанного прецедентного имени обеспечивает грамматическую связность художественных произведений, тем самым выполняя роль смысловых вех информационного пространства текста.

В поэтической диалогии «Половецкое поле» (1971) и «Балладе о побеге» (1960) поэт в образе новгородсеверского князя Игоря возвеличивает силу русского народа, являющегося не только историческим персонажем, но и героем памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве»:

*Не мять травы на Ворскле и
Осколе,
Не тировать с друзьями у реки...
Уже стоят на Половецком поле,
Раскинув лагерь русские полки.
Бежать подальше от дружины
Игоря,
Не приняв бой, чтобы собрать
Орду,*

*И степь подожечь. Пускай дотла
вся выгорит
И наведёт на русичей беду...
Ещё узнает Ольгович о силе
Его степных, могучих батырей,
И станет Поле Игорю могилой
И неприступным для других
князей... [9, с. 191].*

Автор акцентирует внимание на тех смыслах прецедентного имени, которые важны для реализации художественной задачи. В данном случае политическое значение похода древнерусского князя, которое находится в центре внимания в историческом дискурсе, оказывается не выраженным, напротив, поэт, с помощью используемых в тексте стилистических (диалогизация, использование прямой речи, устаревших форм слов), синтаксических (обращения) лексических изобразительно-выразительных средств (эпитетов – *степные, могучие батыри, неприступное поле*; метафор – *станет Поле Игорю могилой*) делает акцент на патриотической доминанте характера лирического героя стихотворения. Однако патриот здесь – не только человек, испытывающий глубокие чувства к Родине, но еще и 'защитник', и именно этот смысл культивирует автор во втором стихотворении поэтической диалогии «Половецкое поле». И.А. Чернухин вводит своеобразную поэтическую ономастическую оппозицию: князь *Игорь* – хан *Кончак*,



противопоставляя смыслы этих прецедентных имен: ‘защитник’ – ‘враг’, ‘смелость’ – ‘коварство’.

*Впервые князь навёл свои дружины
На край Руси, где ветер да ковыли.
Впервые хан, не ведавший кручины,
Почуял —
дни раздольные прошли [9, с. 191].*

Используемые в стихотворении прием поэтической антитезы: «князь» – «хан», «Бежать подальше / от дружины Игоря» – «И степь поджечь... пускай дотла вся выгорит / И наведет на русичей беду», – как и стилистические, синтаксические, лексические изобразительно-выразительные средства, используемые поэтом в первом стихотворении дилогии, направлены на создание образа князя-героя-патриота.

Таким образом, в поэтической дилогии «Половецкое поле» И.А. Чернухин активно использует прецедентное имя князь *Игорь*, актуализируя смыслы ‘герой’, ‘патриот’, ‘борец’, ‘защитник’.

Несколько в другом образе предстает князь Игорь в «Балладе о побеге» (1960). В прецедентное имя автор здесь вкладывает иные семантические оттенки. Сюжетная линия баллады – нахождение новгородсеверского князя в плену у половцев – диктует новые смыслы в новом информационном поле:

*Пируют после битвы половчане,
За стол с собою князя усадив.
А он сидит угрюмый и печальный,
На вина дорогие не глядит.
Всё чудится ему Путивль далёкий,
И детский плач, и звон колоколов...
— О чём ты, князь, задумался до
срока? —
Подружишь с нами —
Будет хлеб и кров.
Всё будет, князь, —
И серебро и золото,
И конь отменных, огненных
кровей... —
Глядят глаза у хана хитровато —
Из-под тяжёлых и косых бровей.
— Всё будет, князь... —*

*Умолкла речь хмельная,
И над столом нависла тишина.
Вино подносит князю молодая
Степнячка, половецкая княжна.
Глядит она на князя не моргая:
— Пей, добрый князь. Тоску свою
забуди!.. —
Грешно как дышит грудь её
тугая,
Как чёрные глаза его зовут!
Рука тонка, послушна у запястья,
По пояс косы чёрные, как смоль,
И губы пахнут откровенной
страстью...
— Ну что ж, княжна,
Ты просишь пить — изволь! —
И Игорь пьёт. И Игорь веселеет
[9, с. 387].*

Экстралингвистические средства, к которым, прежде всего, относятся сюжетно-композиционные особенности баллады: нахождение героя в плену («Пируют после битвы половчане, / За стол с собою князя усадив») – тоска по Родине («Все чудится ему Путивль далёкий») – искушение свободой («Подружишь с нами – / Будет хлеб и кров. / Всё будет, князь, – / И серебро и золото, / И конь отменных, огненных кровей...») и женщиной («Вино подносит князю молодая / Степнячка, половецкая княжна. / Глядит она на князя не моргая: / – Пей, добрый князь. Тоску свою забудь!.. – / Грешно как дышит грудь её тугая, / Как чёрные глаза его зовут!»), – воссоздают другую прецедентную ситуацию: князь *Игорь* – *половецкий стан*. Однако образные средства, используемые автором поэтической дилогии «Половецкое поле», направлены на то, чтобы высветить индивидуально-

личностные характеристики лирического героя, создать образ князя-патриота. Неслучайно сюжетно-композиционный финал баллады повествует о побеге древнерусского князя из половецкого плена:

*Пора...
Пока не выставили
стражи,
Не вышел месяц, не уплыл
туман...
Ночь тяжела. Спокойно в
стане вражьем.
В своём шатре опочивает
хан.
Звезда упала.
Конь заржал и крякнул
Под седоком, скосив свои
зрачки,
И все его движения
обмякли
От властной силы
княжеской руки.*

*... Летит земля с лесами и
полями,
И только свист и пенная
луна.
Тревожно поздри
выдувают пламя.
Торопит князь степного
скакуна.
Вот и Донец.
Взлетают с криком качки.
Светает. Недалёко до
утра.
И конь хратит.
И щёт яд степнячка,
И плачет Ярославна у
Днепра [9, с. 389-390].*

Таким образом, прецедентное имя князь *Игорь* в «Балладе о побеге» раскрывается с психологических позиций, И.А. Чернухин делает акцент на индивидуально-личностных качествах лирического героя – новгородсеверского князя, предлагая собственную интерпретацию исторических событий 1185 года.

В поэме «Бел-город» (1968–1972) прецедентное имя князь *Игорь* занимает периферийную позицию – лишь один раз, в первой части поэмы, региональный поэт упоминает об исторической личности новгородсеверского князя:

*... Конь хрател...
и месяц плыл
Над туманным выгоном...
Ты ли князя не укрыл,
Раны князю не обмыл —*

*Северскому Игорю?..
Ночевал татарин злой
На траве береговой...
[9, с. 393].*

Это упоминание практически лишено оценочности, что позволяет утверждать, во-первых, о периферийной позиции прецедентного имени князь *Игорь* в поэме И.А. Чернухина, и, во-вторых, о нейтральной эмоциональной составляющей данного прецедентного имени.

Анализируемое прецедентное имя князь *Игорь* в творчестве белгородского поэта одновременно выполняет несколько взаимодополняющих друг друга функций: текстообразующую (создают связность и цельность поэтических текстов) и стилистическую (усиливают прагматический потенциал).

Специфика прецедентного имени проявляется и на уровне употребления в тексте: 1) прецедентное имя – смысловая веха (оним «князь Игорь» в «Балладе о побеге»), 2) прецедентное имя – фон повествования (оним «князь Игорь» в поэтической диалогии «Половецкое поле»), 3) прецедентное имя – факультативный элемент (однократное использование в поэме «Белгород» прецедентного онима «князь Игорь» с редуцированным функционалом как средства формирования текстовых категорий информативности, авторской модальности).



Именно они помогают представить себе величие образа древнерусского князя – героической личности, воина, защитника. В это же описание посредством имен собственных включается и региональный компонент – «Не мять травы на Ворскле и Осколе», – указывающий на место, где разворачиваются события – историческую границу Белгородчины.

Заключение

Несомненно, имена исторических лиц одновременно несут в себе и общее значение имени как выделительного знака, и информационный лексический фон. Заложенные в ониме семы являются отражением культурно-исторического кода и специфически-национального характера: *Игорь* – князь новгородсеверский, предпринявший попытку одиночного выступления против половцев; *Кончак* – половецкий хан, пленивший князя Игоря и совершающий систематические набеги на Русь; *Петр I* – первый российский император, реформатор, создатель русского флота.

В творчестве регионального поэта встречаются и имена исторических личностей более позднего периода, внесших весомый вклад в становление и развитие нашего государства: император Петр I («Баллада о Петре-плотнике», 1975), Наполеон («Третье поле», 1999-2003), А. Бельгин («Баллада о героическом батальоне», 1983), генерал Апанасенко («Белгород. 5 августа 1943 года», 1980). Указанные стихотворения отражают эпохальные события в истории России, несут в себе определенную долю патриотического пафоса.

Обращаясь к именам литературных героев, используемых в творчестве И.А. Чернухина, стоит отметить, что определяющую роль здесь играет литературное образование поэта, его знание истории и литературы древней Руси.

Прецедентные имена в творчестве регионального поэта И.А. Чернухина являются частью системы вербальных средств, объединенных единой коммуникативной целью автора поэтических текстов. В проанализированных произведениях прецедентные имена выступают в качестве ключевых знаков, играющих важное значение в формировании семантического пространства текста. Прецедентные онимы в поэтическом дискурсе регионального поэта являются связующим звеном между текстами И.А. Чернухина и другими текстами культуры, в том числе, историческими источниками.

Таким образом, в поэтическом творчестве регионального поэта активно используются прецедентные имена. Наиболее часто в его произведениях встречаются имена исторических деятелей, географические названия, а также имена литературных персонажей и поэтов, что отражает интерес И.А. Чернухина к истории народа, его литературные вкусы, характеризует языковую личность поэта как духовно богатую, мыслящую, обладающую индивидуальным видением мира.

Список литературы References

1. Бобылева, Е.В. Прецедентное имя. Вопросы прецедентности религиозного дискурса / Е.В. Бобылева // Ономастическое пространство и национальная культура: Материалы научно-практической конференции, 14–16 сентября 2006 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2006. – С. 244–248.

Bobyleva, E.V. Precedentnoe imya. Voprosy precedentnosti religioznogo diskursa / E.V. Bobyleva // Onomasticheskoe prostranstvo i nacional'naya kul'tura: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, 14–16 sentyabrya 2006 g. – Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo un-ta, 2006. – S. 244–248.

2. Большая советская энциклопедия: в 30-ти т.т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – Т. 10. – 1972. – 592 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-lib.com/history>

Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya: v 30-ti t.t. / gl. red. A.M. Prohorov. – Т. 10. – 1972. – 592 с. – [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sci-lib.com/history>



3. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
Gudkov, D.B. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti / D.B. Gudkov. – М.: Izd-vo MGU, 1999. – 152 s.
4. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 189 с.
Gudkov, D.B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii / D.B. Gudkov. – М.: Izd-vo MGU, 2003. – 189 s.
5. Зинин, С.И. Введение в русскую антропонимию / С.И. Зинин. – Ташкент: Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1972. – 275 с.
Zinin, S.I. Vvedenie v russkuyu antroponimiyu / S.I. Zinin. – Tashkent: Tashk. gos. un-t im. V. I. Lenina, 1972. – 275 s.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 345 с.
Karaulov, Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu.N. Karaulov. – М.: Izd-vo LKI, 2007. – 345 s.
7. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru>
Nahimova, E.A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii / E.A. Nahimova. – Ekaterinburg, 2007. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.philology.ru>
8. Суперанская, А.В. Прецедентные фразы, ситуации, имена / А.В. Суперанская // Наукoвий вісник Чернівецького університету, 2007. – Випуск 356–359. – С. 366–374.
Superanskaya, A.V. Precedentnye frazy, situacii, imena / A.V. Superanskaya // Naukovij visnik Chernivec'kogo universitetu, 2007. – Vipusk 356–359. – S. 366–374.
9. Чернухин, И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы / И.А. Чернухин. – Белгород: Отчий край, 2003. – 444 с.
Chernuhin, I.A. Stihotvoreniya. Ballady. Pochmy / I.A. Chernuhin. – Belgorod: Otchij kraj, 2003. – 444 s.
10. Юркeнас, Ю.К. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ю.К. Юркeнас. – М., 1979. – 37 с.
Yurkenas, Yu.K. Onimizaciya apellyativov i razvitie indoevropskikh antroponimicheskikh sistem: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / Yu.K. Yurkenas. – М., 1979. – 37 s.